

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-3778-502X; rozchkova@mail.ru

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ И ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОДАХ И. И. ДМИТРИЕВА: СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Рассматриваются важные в синтаксической организации поэтического текста виды предложений. На материале тринацати од проведён анализ структурных, лексико-грамматических особенностей предложений, а также их участие в формировании риторических фигур. Количественное преобладание восклицательных конструкций связано с влиянием сентиментализма, актуализацией эмоциональных чувств лирического героя. Риторическое восклицание обладает рядом признаков, среди которых наличие междометия, обращения, эмоционально окрашенной лексики, а также незначительная длина предложений. В системе вопросительных предложений выявлены риторические вопросы, а также гипофоры – вопросы, которые предполагают наличие ответа и играют важную роль в сюжетно-композиционной организации поэтического текста. Тесная связь между восклицательными и вопросительными предложениями проявляется в лексико-типологическом сходстве конструкций, графически сопровождаемых разными концевыми знаками, использовании восклицательного знака внутри вопросительного предложения, вопросно-ответных комплексах, в которых ответ представляет собой эмоционально окрашенное предложение. Сравнительный анализ структуры и функционирования конструкций в текстах И. И. Дмитриева и одах М. В. Ломоносова позволяет говорить о преемственности в использовании риторических фигур. Методами исследования являются обзорно-аналитический, классификационный, сравнительно-сопоставительный, стилистический. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью риторических фигур в поэтическом языке XVIII – начала XIX века.

Ключевые слова: И. И. Дмитриев, ода, поэтический синтаксис, вопросительные предложения, восклицательные предложения, риторические фигуры

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>.

Для цитирования: Рожкова А. В. Вопросительные и восклицательные предложения в одах И. И. Дмитриева: структурно-типологический и риторический аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 40–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.750

ВВЕДЕНИЕ

Жанр оды занимает не самое первое место в творчестве И. И. Дмитриева. Талантливый поэт-сентименталист конца XVIII – начала XIX века известен прежде всего как баснописец, автор песен, эпиграмм и мадригалов. Первые сочинения в жанре оды («Глас патриота на взятие Варшавы», «Ермак», «К Волге») И. Дмитриев написал в 1794 году.

Стиль, язык, образы традиционной оды классицизма воспринимались как устаревающие уже в 60-е годы XVIII века, что отразилось в пародиях писателей того времени. И. Дмитриев в своих эпиграммах и сатирах, написанных в 90-е годы XVIII века, также подвергает критике тех по-

этов-современников, «кто в новых условиях продолжал следовать “правилам”, и, подражая образцам, создавал риторические, холодные, “надутые”, лишенные личного начала произведения»¹. В сатире «Чужой толк», являющейся, по определению Г. Макогоненко, эстетической программой И. Дмитриева, поэт, высмеивая одописцев, однако не отрицает существования жанра оды².

Ода как один из традиционных жанров литературы изучена достаточно полно. Структурные, композиционные, содержательные особенности оды рассмотрены в классических трудах Ю. Н. Тынянова [9], Л. В. Пумпянского [6]. Более поздние по времени создания работы

свидетельствуют об интересе исследователей к этому жанру [1], [3], [4], [8], [10].

Одические произведения И. Дмитриева не стали объектом постоянного внимания литературоведов и лингвистов: анализ некоторых сочинений находим в отдельных исследованиях. Г. П. Макогоненко определял одические тексты И. Дмитриева как «обновленные оды»³. По мысли Е. Н. Купреяновой, проявившаяся еще в раннем творчестве ориентация поэта на повествовательный жанр сказалась и на торжественной оде, которая «приобретает в одах Дмитриева характер повествовательного жанра»⁴. Изменения, которые внес И. И. Дмитриев в одический стиль в 90-е годы XVIII века, В. В. Виноградов характеризует так:

«В борьбе с одическим слогом эпигонов ломоносовской школы тогда же определились основные разновидности средне-высокого лирического стиля в творчестве И. И. Дмитриева. Они представляли собой своеобразное смешение речевых форм державинской оды и сентиментальной элегии (в духе Хераскова или Муравьева)» [2: 80].

Соединение разностилевых элементов, воплощение собственного видения оды, ее языка, стиля, способа изложения событий, общей тональности привели к неоднозначному определению жанровой принадлежности одических произведений поэта. Так, произведение «На смерть князя Потемкина» характеризовалось как ода-поэма, ода-элегия [2: 74], элегия⁵; «На мир с Оттоманскую Портою» – как идиллия⁶. Обзор разных точек зрения на жанровую специфику известного стихотворения «Ермак» представлен в статье современных исследователей А. В. Петрова, О. Ю. Колесниковой, которые сами определяют этот текст как лиро-эпико-драматическую поэму с «приметами “восходящего” жанра – оды и жанра “восходящего” – баллады» [5: 75].

Несмотря на некоторый элемент новаторства, привносимый поэтом в стилистику и поэтику высокого жанра, исследователи тем не менее отмечают тесную связь произведений поэта с одами, созданными его знаменитыми предшественниками. Общеизвестным является факт, что одические произведения И. И. Дмитриева современники считали похожими на тексты Г. Р. Державина. В. В. Виноградов отмечал, что «в одическом стиле И. И. Дмитриева были сильны отголоски и старой, додержавинской традиции» [2: 73]. О связи стихотворения И. И. Дмитриева «Освобождение Москвы» с одой М. В. Ломоносова писал Г. А. Макогоненко⁷. Обращение И. И. Дмитриева к высоким лирическим жанрам подтверж-

дает литературную позицию поэта, для которого «не существовало принципиального антагонизма между поэзией классицизма и его стихами»⁸.

В предлагаемом исследовании объектом рассмотрения будут вопросительные и восклицательные предложения в одах И. И. Дмитриева. Сочетание таких конструкций в тексте представляет продолжение традиции, заложенной в одах М. В. Ломоносова. В связи с этим Ю. Н. Тынянов отмечал:

«Отчетливо сознавал Ломоносов интонационное значение “вопрошений” и “восклицаний” <...> Здесь – в соединении принципа смены вопросительной, восклицательной и повествовательной интонации с принципом интонационного использования сложной строфы – и лежит декламационное своеобразие оды» [9: 233].

Особое внимание уделяется риторическим приемам, основанным на использовании восклицательных и вопросительных предложений. Риторика как искусство красноречия связана прежде всего с ораторской речью. О связи ораторской речи и оды писал Ю. Н. Тынянов, отмечая, что «элементы поэтического слова оказывались в оде использованными, конструированными под углом ораторского действия» [9: 230].

Материалом для исследования послужили 13 одических произведений И. И. Дмитриева⁹.

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Вопросительные конструкции в исследуемых текстах распределены неравномерно. В частности, такие конструкции отсутствуют в двух более поздних по времени создания одах: «Стихи» и «Песнь на день коронования».

Структура вопросительных предложений представлена следующими типами:

- 1) простое двусоставное: «Чей сладкий глас несут зефирь?»¹⁰ (Смерть КП);
- 2) осложненное двусоставное: «Давно ль беседовал ты с нами / И лиру испещрял цветами, / Готовясь в кроволитный бой?» (Смерть КП);
- 3) односоставное: «Чей блеск, чью мочь с твоей сравнять?» (Стихи на присоединение);
- 4) осложненное односоставное: «Не твоего ль, Израиль, сына / Чудесно видим между нас?» (Стихи на победу);
- 5) нечленимое: «Но что?» (Стихи на присоединение);
- 6) сложноподчиненное: «Но сею ль жертвою одною / Воздашь, Россия, днесъ герою, / Которым славима была?» (Смерть КП);
- 7) сложносочиненное: «Во сне ли сладком я мечтаю, Иль истину в восторге зрю?» (На мир с ОП);

8) сложное бессоюзное: «*Но где герой? куда скрылся?*» (ОМ);

9) сложное многокомпонентное:

«*То нежным ветерком лобзаем, / То ревом бури и валов / Под черной тучей оглушаем / И отзывом твоих брегов, / Я плыл, скакал, летел стрелою – / Там видел горы над собою / И спрашивал: который век / Застал их в молодости сущих?*» (К Волге).

Одним из средств в системе риторических фигур является риторический вопрос – «грамматический троп, использование формы вопроса в утвердительных или побудительных конструкциях»¹¹. К риторическим отнесем следующие:

«*Не Марса ль в каждом зриш герое? / Не всяк ли рока властелин?*» (Глас патриота), «*–Красуйся, Российская держава! / Чей блеск, чью мочь с твоей сравнять?*» (Стихи на присоединение), «*Кто же росс, кто с сердцем – и хвалю / Твоей не будет умилен?*» (Стихи на всерадостный день), «*Москва, России дочь любима, / Где равную тебе сыскать?*» (ОМ).

В исследуемых текстах преимущественно используется такой тип вопроса, как гипофора – «фигура, состоящая в том, что говорящий задает себе вопрос, для того, чтобы самому же ответить на него»¹². В оде «Ермак» на открывающий текст вопрос в следующем предложении дан развернутый ответ:

«*Какое зрелище пред очи / Представила ты, древность, мне? / Под ризою угрюмой ночи, / При бледной в облаках луне, / Я зрю Иртыш: крутит, сверкает <...>.*»

В этом произведении нередко вопросы сопровождаются ответами. Например: «*И от кого же, о боги! пали? / От горсти русских!...*». Своеобразна организация вопросно-ответного комплекса в финальных двух строфах, содержание которых связано с темой памяти о Ермаке, его подвиге. В предпоследней строфе содержится нанизывание восклицания и вопросов: «*Но что я рек, о тень забвена! / Что рек в усердии моем? / Где обелиск твой – <...>?*». Ответ на последний вопрос структурно продолжает незавершенную строку: «*Где обелиск твой? – Мы не знаем, / Где даже прах твой был зарыт.*». Полагаем, что ответ на первый вопрос дистанцирован и связан с содержанием последнего предложения, занимающего за счет пространной прямой речи часть предпоследней строфы и всю последнюю. Невозможность лирического героя даже «в усердии» описать подвиги Ермака компенсируется творчеством гения стихотворства, у которого есть песнь для прославления героя:

«*Парящий стихотворства гений / Всяк день с Авророю златой, / В часы божественных явлений, / Над прахом плавает твоим / И сладку песнь гласит над ним <...>.*»

Еще одну особенность в использовании вопросно-ответного приема наблюдаем в диалоге двух героев оды «Ермак» – Младого и Старца. Прерывающийся вопрос одного из героев продолжается в реплике второго и является одновременно ответом: «*Но что? ужели стон сердечный / Гонимых будет...? / «Вечный! Вечный!».*». При таком расположении возникает особое экспрессивное напряжение, обусловленное намеренной паузой, неполнотой конструкций и их лексическим составом. Минимальное количество собственно риторических вопросов, использование вопросно-ответных приемов, неполнота и краткость вопросительных предложений определяют языковую особенность произведения «Ермак», которая позволяет говорить об отходе от классического одического канона и ориентации автора на жанровые повествовательные формы.

В оде «Глас патриота», как и в предыдущей, начало текста открывается вопросом и следующим за ним ответом: «*Где буйны, гордые Титаны, / Смутившие Астреи дни? / Стремглав низвергены, попраны / В прах, в прах!.*». Другой вопрос, включенный в прямую речь героев-воинов, дублируется в первой строке следующей строфы:

«*Скажи, скажи, о матерь, нам, / Склоня величественны взоры, / Куда еще лететь орлам? / Куда лететь? кто днесь восстанет, / Сарматов зря ужасну часть?.*»

Подхваченный таким образом вопрос предваряет пространное размыщение автора, содержащее ответы на вопросы: «*Речешь – и движется полсвета, / Различный образ и язык <...>», «Твой росс весь мир дрожать заставит <...>.*»

В оде «Освобождение Москвы» треть предпоследней строфы занимает комплекс из шести следующих друг за другом вопросительных конструкций:

«*Но где герой? куда скрылся? / Где сонм и князей и бояр? / Откуда звучный клик пустился? / Не царство ль он приемлет в дар? – / О! что я вижу? <...>.*». Ответы на вопросы продолжают строфи: «*О! что я вижу? Победитель, / Москвы, отчества спаситель, / Забывши древность, подвиг дня / И вокруг него гремящу славу, / Вручает юноше державу, / Пред ним колена преклоня!.*»

Структурно-грамматическая организация отдельных предложений, а также вопросительных комплексов в произведениях И. Дмитриева имеет сходные черты при сравнении с одами М. Ломоносова. Например, использование рядов следующих друг за другом вопросительных предложений (ср. с описанным выше примером из оды «ОМ»): «*Где ныне похвальба твоя? / Где дерзость? / Где в бою упорство? / Где злость*

на северны края? Стамбул, где наших войск презорство?» (М. Ломоносов, Ода на взятие Хотина)¹³. Для конструкций с наречием где характерен эллипсис, и сходные примеры обнаруживаются в текстах обоих авторов: «Где ныне похвальба твоя?» (М. Ломоносов), «Где Польша?» (И. Дмитриев). Предыдущие исследования показывают, что эллиптические структуры составляют синтаксическую особенность простых вопросительных предложений с наречием где и в текстах других жанров И. Дмитриева [7]. Структурно-грамматические параллели усматриваются в вопросительных предложениях с начальными нечленимыми конструкциями, с частицей ли (ль): «**Но что?** <Внезапно мертв упал...>» (М. Ломоносов), «**Но что?** <ужелиston сердечный...>», «**Но что?** <И ты, страна блаженна...>» (И. Дмитриев), «*Не Марса ль в каждом зришь герое?*» (И. Дмитриев), «*Не Пинд ли под ногами зрю?*» (М. Ломоносов). Примеры вопросно-ответной организации содержания, которые обнаружены в текстах И. Дмитриева, использовал в своих одах М. Ломоносов:

«*Но спешно толь куда восходит / Внезапно мой плененный взор? / Видение мой дух возводит / Превыше Тессалийских гор!*» (Ода на прибытие)¹⁴, «*Что бьет за странной шум в мой слух? / Пустыня, лес и воздух воет!*» (Ода на взятие Хотина).

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В произведениях И. И. Дмитриева восклицательные предложения характеризуются высокой частотой употребления. В среднем 62 % от числа всех предложений в каждом рассматриваемом тексте составляют восклицательные конструкции. Исключением является «Ода П. П. Бекетову», в которой лишь одно восклицательное предложение. Большое количество таких предложений содержится в одах «Песнь на день коронования» (14 из 19), «Стихи на победу» (6 из 8). Иное соотношение наблюдается в многострофных одах М. В. Ломоносова¹⁵, в которых количество восклицательных конструкций не превышает восьми, а «Ода на день восшествия на всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елизаветы Петровны 1747 года» включает одиннадцать восклицательных предложений, что также значительно меньше предложений, не имеющих эмоциональную окраску.

Формальным показателем эмоционально окрашенного предложения является восклицательный знак. При анализе грамматической структуры и коммуникативной направленности отдельных

предложений возникает вопрос о последовательности использования автором конечного пунктуационного знака. Сравним два следующих друг за другом предложения:

«*Даруй твой суд царю младому, / Да будет другом правды он; / Любезен добрым, грозен злому, / Дальнейшего услышит стон; / Народов разных повелитель, / Да будет гений-просветитель, / Краса и честь своим странам! Да будут дни его правленья / Для россов днями прославленья / И преданы от них векам*» (Песнь на день коронования).

Синтаксическое, коммуникативное сходство последней конструкции с отдельными простыми частями предыдущего очевидно, однако наличие восклицательного знака в одном случае и отсутствие его в другом заставляют по-разному рассматривать эти предложения по эмоциональной окраске.

В произведениях И. И. Дмитриева находят отражение некоторые особенности пунктуационного оформления, характерные для письма той эпохи. Восклицательный знак может выступать как знак внутренний:

«*Спокойся, мир! то росски чады, / Любители наук и муз, / Летят отважнейшим полетом / Обогатиться новым светом, / Вступить с Уранией в союз*» (Стихи Павлу Первому), «*Всяк подвиг божеству возможен, / Бессмертна! нет тебе препон!*» (Стихи на присоединение).

В таких примерах актуализируется эмоциональная окраска содержания отдельной части предложения. Вопрос об использовании И. И. Дмитриевым восклицательного знака может быть рассмотрен в рамках другого исследования как на материале текстов самого автора, так и в сопоставлении с произведениями поэтов разных периодов. Имеющиеся работы показывают необходимость изучения восклицательного знака в художественном тексте как в диахроническом, так и синхроническом аспектах [11].

Структура восклицательных предложений достаточно разнообразна и включает в себя следующие типы:

- 1) простое двусоставное: «*O, что за гимны слух мой внелет!*» (Стихи на всерадостный день);
- 2) осложненное двусоставное: «*В день сей небесами, / Монархия, ты нам дана, / Бессмертна многими венцами / И боле, чем войной, славна!*» (Стихи на всерадостный день);
- 3) односоставное: «*Прости и к нам твой светлый взор!*» (Стихи на присоединение);
- 4) осложненное односоставное: «*Не кройтесь в глубину, наяды!*» (Стихи Павлу Первому);
- 5) нечленимое: «**Но что!**» (Стихи Павлу Первому);

- 6) сложное бессоюзное: «*Всяк подвиг божеству возможен, / Бессмертна! нет тебе препон!*» (Стихи на присоединение);
- 7) сложноподчиненное: «*Бекетов! малым кто доволен, / Тому век бедным не бывать!*» (Ода П. П. Бекетову);
- 8) сложносочиненное: «*Завоеватель царств преславен; / Но добрый царь – бессмертным равен!*» (Стихи на всерадостный день);
- 9) сложные многокомпонентные предложения: «*Брать крепки грады россам мало, / Рекла – и царства вдруг не стало!*» (Стихи на присоединение).

Среди сложных по структуре предложений встретились такие, в которых конечный восклицательный знак, служащий для обозначения синтаксической границы, подчеркивает особую эмоциональность только последней части. Она представляет собой прямую речь, вводимую в предыдущей части лексемами «говорения, обращения» (далее в примерах выделены):

«*Друг смертных, гений в багрянице, / Глагол его есть глас отрад / Гонимым, сирому, вдовице / И благо миллионов чад; / Талант, достоинства, заслуги / Любимцы суть его и други, / А стражею любовь сердец; / Отвсюду разные языки / Торжественны возносят клики: / О Павел, Павел! наш отец!*» (Стихи Павлу Первому), «*И се невиданы народы / Чрез шумные камчатски воды / С подобличных Кавказских гор / Гласят к ней сердцем и устами: / Владей, как бог незримый, нами!*» (Стихи на присоединение).

В контексте рассмотрения восклицательных предложений является актуальным вопрос о риторическом восклицании. В настоящее время статус этого приема довольно спорный. Как отмечает Г. Г. Хазагеров, «сегодня говорить о Р. в. как о фигуре рано. Его можно рассматривать в ряду квазитропов, т. е. в одном ряду с тропами-жанрами»¹⁶. Дискуссионный аспект отражен и в определении из словаря под редакцией А. П. Сковородникова:

«Риторическое восклицание – термин риторики, трактовка которого в словарях и справочниках либо отсутствует, либо существенно разнится у разных авторов, либо сводится к демонстрации примеров (без дефиниций)»¹⁷.

Следовательно, для решения вопроса об определении границ риторического восклицания необходимо ориентироваться на некоторые признаки. К таким признакам А. П. Сковородникова относит эмоциональность, соответствующую интонацию, местоименные слова в несобственном значении, междометия, обращения, частицы, лексические и синтаксические повторы, особые засыны, начальное место в структуре предложения¹⁸. Пристальное внимание к про-

блеме разграничения восклицательных предложений и собственно риторических восклицаний представляется важным и должно учитываться в исследованиях поэтического языка и при подготовке словарных, справочных изданий на материале стихотворных текстов.

В своей «Риторике» М. В. Ломоносов определял восклицание как «возвышение слова, умно-жающее в уме движение и дела величость изображающее, причем употребляются междометия восклицательные, удивительные и проч.»¹⁹. Конструкции с междометием *о* довольно активны в рассматриваемых текстах И. Дмитриева. (Отметим попутно, что достаточно часто это междометие употребляется и в текстах других жанров, ср.: «*О, грустно воспоминанье!*» (внежанровое стихотворение «Куда мне, сердце страстно...»), «*О, приятна весть!*» (внежанровое стихотворение «К честному человеку»), «*О, дети, дети! как опасны ваши лета!*» (басня «Петух, Кот и Мышонок») и др.). Риторическое восклицание представляет собой односоставное предложение (самостоятельное или в составе сложного): «*О, страшная для нас невзгода!*» (Ермак), «*О радость! <Дайте, дайте лиру...>*» (Стихи). Последний пример с таким лексическим наполнением неоднократно встречается в текстах поэта: «*О радость! о восторг! о слава!*» (Стихи на присоединение), «*О радость! о восторг всеместный!*» (На мир с ОП), «*О радость!..*» (Стихи на всерадостный день). Риторическое восклицание характерно для обращений, выступающих изолированно в качестве элемента текста или осложняющих структуру предложений: «*О Павел! [Ты единственным словом, Не потрясая мира громом, Себя к бессмертным приобщил]*», «*Утеши нас радугой завета, / О бог судеб! о царь царей!*». Риторическое восклицание может быть оформлено как фразеологизированная конструкция: «*О, горе нам!*» или именительный темы: «*О, утро памято, приятно! / О вечно незабвенный час!*» (ОМ).

Таким образом, представленные примеры, определяемые нами как риторические восклицания, характеризуются следующими признаками: незначительной длиной предложений, экспрессивностью грамматической структуры и особенностями коммуникативной направленности, заключающейся в отсутствии повествовательной установки, что и позволяет актуализировать эмоциональную составляющую. Усилиению эмоциональности способствует также лексическое наполнение структур: это слова, семантика которых содержит положительный или отрицательный оценочный компонент при наименовании

чувства (*радость, горе*), ситуации (*невзгода*), признака (*страшной*) и т. д. Похожий структурно-грамматический и лексический характер имеют отдельные конструкции без междометия: «*Ужасный вид! <они сразились!>*», «*Конец благополучу бегу!*».

ВЫВОДЫ

Обновленные оды И. И. Дмитриева, совмещающие в себе повествовательную установку и сентиментально-элегические интонации, в основе своей сохраняют важные структурные элементы высокой лирической поэзии. Тематические и жанровые особенности рассмотренных текстов определяют обязательное использование в их синтаксической организации вопросительных и восклицательных предложений.

Структурно-типологическое разнообразие характерно как для одних, так и для других предложений, однако в количественном отношении восклицательные конструкции доминируют. Отдельные примеры свидетельствуют о тесном взаимодействии восклицательной окраски и вопросительной интонации. Это проявляется в лексико-типологическом сходстве конструкций, графически сопровождаемых разными знаками (первые два примера), а также в использовании восклицательного знака вну-

три вопросительного предложения: «*Но что?...*» (Ермак), «*Но что!*» (Стихи Павлу Первому), «*О! кто тебе в величию равен?*» (Стихи на присоединение). Взаимосвязь анализируемых конструкций отражается также в уже рассмотренных вопросно-ответных комплексах, когда в качестве ответа выступает эмоционально окрашенное предложение.

Наблюдения за одами И. И. Дмитриева позволили выделить собственно риторические вопросы и риторические восклицания, служащие выразительными ораторскими приемами. Функции большей части вопросительных предложений заключаются в организации вопросно-ответной композиции в построении лирического сюжета. Активность восклицательных конструкций в одах И. Дмитриева можно объяснить «эстетикой чувств» (Г. П. Макогоненко), которой руководствовался поэт при описании важных событий. Восклицательный знак часто выступает как дополнительное графическое средство для актуализации эмоциональной тональности определенной структурно-смысловой части предложения.

Результаты проведенного исследования могут быть учтены в дальнейшем системном изучении тропических средств и фигур поэтической речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Макогоненко Г. «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) // Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 44.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 51, 64.

⁴ Купреянова Е. Н. Дмитриев и поэты карамзинской школы // История русской литературы: В 10 т. Т. В. Литература первой половины XIX в. Ч. 1. М., Л.: АН СССР, 1941. С. 126.

⁵ Макогоненко Г. «Рядовой на Пинде воин»... С. 47.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 52–53.

⁸ Песков А. М. Поэт и стихотворец Иван Иванович Дмитриев // Дмитриев И. И. Сочинения. М: Правда, 1986. С. 12.

⁹ «Глас патриота на взятие Варшавы» (далее в статье при цитировании – Глас патриота), «Ермак», «Освобождение Москвы» (ОМ), «К Волге», «Стихи на высокомонаршую милость, оказанную императором Павлом Первым потомству Ломоносова» (Стихи), «Песнь на день коронования его императорского величества государя императора Александра Первого» (Песнь на день коронования), «Смерть князя Потемкина» (Смерть КП), «Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семгалии к Российской империи» (Стихи на присоединение), «Стихи на победу графа Суворова-Рымникского» (Стихи на победу), «На мир с Отоманскую портою» (На мир с ОП), «Стихи на всерадостный день рождения ее императорского величества» (Стихи на всерадостный день), «Ода П. П. Бекетову», «Стихи его императорскому величеству Павлу Первому» (Стихи Павлу Первому) при восшествии на всероссийский престол» (Стихи Павлу Первому).

¹⁰ Здесь и далее тексты И. И. Дмитриева цитируются по изданию: Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 304 с. Границы строк внутри строфы обозначены косой наклонной чертой.

¹¹ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 275.

¹² Там же. С. 171.

¹³ «Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоановне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» (далее в статье и примечаниях – Ода на взятие Хотина)

¹⁴ «Ода на прибытие из Голстинии и на день рождения Его Императорского Высочества Государя Великаго Князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня (1741–1742)» (далее в статье и примечаниях – Ода на прибытие).

¹⁵ Рассматривались оды: «Ода на взятие Хотина 1739 года», «Ода, которую в торжественный праздник высокаго рождения Всепресветлейшаго Державнейшаго Великаго Государя Иоанна Третияго, Императора и Самодержца Всероссийскаго, 1471 года Августа 12 дня веселящаяся Россия произносит», «Первые трофеи Его Величества Иоанна III, Императора и Самодержца Всероссийскаго, чрез преславную над Шведами победу Августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства Его Императорскаго Величества Августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенныи от всеподданейшаго раба», «Ода на прибытие».

¹⁶ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь... С. 303.

¹⁷ Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и не-дочеты / Под ред. А. П. Сквородникова. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 276.

¹⁸ Там же. С. 279.

¹⁹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / Академия наук СССР. Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 284.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
2. Виноградов В. В. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева // Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С. 24–147.
3. Краковяк А. С. Похвальная ода и высокая инвектива: риторические приемы и художественная картина мира // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 11 (117). С. 38–43.
4. Матвеев Е. М. Оды В. П. Петрова и оды М. В. Ломоносова: словесная и ритмико-синтаксическая формульность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 354–366. DOI: 10.21638/spbu09.2018.303
5. Петров А. В., Колесникова О. Ю. Баллады И. И. Дмитриева: жанровые стратегии и тактики // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 74–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.570
6. Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 30–196.
7. Рожкова А. В. Типология односоставных и двусоставных вопросительных предложений и их роль в произведениях И. И. Дмитриева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 85–89.
8. Травников С. Н., Ольшевская Л. А. «Лавровы вьются там венцы...» (Поэтика «Оды на взятие Хотина» М. В. Ломоносова) // Литературоведческий журнал. 2011. № 29. С. 213–235.
9. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227–252.
10. Шапир М. И. Ритм и синтаксис ломоносовской оды (К исторической грамматике русского стиха) // Шапир М. И. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М.: Языки русской культуры, 2000. Кн. 1. С. 161–187.
11. Штультерова А. Восклицательный знак – стилистический и психологический сигнал в стиле художественной литературы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 218–224.

Поступила в редакцию 28.01.2022; принята к публикации 25.02.2022

Original article

Anfisa V. Rozhкова, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3778-502X; rozhкова@mail.ru

INTERROGATIVE AND EXCLAMATORY SENTENCES IN THE ODES OF IVAN DMITRIEV: STRUCTURAL-TYPOLOGICAL AND RHETORICAL ASPECTS

A b s t r a c t. The article deals with the types of sentences that are important for the syntactic organization of poetic texts. The author selected thirteen odes to analyze the structural, lexical and grammatical features of their sentences, as well as their role in the formation of rhetorical figures. The quantitative predominance of exclamatory sentences is associated with the influence of sentimentalism, the actualization of the lyrical hero's emotional feelings. A rhetorical exclamation has a number of features, including the presence of interjections, appeals, emotionally-colored vocabulary, as well as a relatively short length of sentences. The system of interrogative sentences incorporates rhetorical questions and hypophores – questions that assume the presence of an answer and play an important role in the plot and composi-

tion organization of a poetic text. The close connection between exclamatory and interrogative sentences is manifested in the lexical and typological similarity of constructions graphically accompanied by different end signs, in the use of exclamation marks inside interrogative sentences, and in question-and-answer complexes in which the answer is an emotionally-colored sentence. The comparative analysis of the structure and functioning of constructions in the texts of Ivan Dmitriev and in the odes of Mikhail Lomonosov suggests continuity in the use of rhetorical figures. The research methodology included the analytical review method, classification, comparative and contrastive method, and stylistic analysis. The relevance of the research is due to the insufficient study of rhetorical figures in the poetic language of the XVIII and the early XIX centuries.

Key words: Ivan Dmitriev, ode, poetic syntax, interrogative sentence, exclamatory sentence, rhetorical figure

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation's grant No 22-28-00991 (<https://rscf.ru/project/22-28-00991/>).

For citation: Rozhkova, A. V. Interrogative and exclamatory sentences in the odes of Ivan Dmitriev: structural-typological and rhetorical aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):40–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.750

REFERENCES

1. Alekseeva, N. Yu. Russian ode: The development of the ode form in the XVII–XVIII centuries. St. Petersburg, 2005. 369 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. Observations on Ivan Dmitriev's language and style. *Vinogradov, V. V. Selected works. Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol.* Moscow, 1990. P. 24–147. (In Russ.)
3. Krakovskiy, A. S. Ode of praise and a high invective: rhetorical techniques and the artistic picture of the world. *Bulletin of Orenburg State University*. 2010;11(117): 38–43. (In Russ.)
4. Matveev, E. M. Odes by V. P. Petrov and odes by M. V. Lomonosov: Word and rhythmic-syntactic formulas. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2018;15(3):354–366. DOI: 10.21638/spbu09.2018.303 (In Russ.)
5. Petrov, A. V., Kolesnikova, O. Yu. Ballads by I. I. Dmitriev: genre strategies and tactics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):74–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.570 (In Russ.)
6. Pumpyansky, L. V. The history of Russian classicism. *Pumpyansky, L. V. Classical tradition: Collection of works on the history of Russian literature.* Moscow, 2000. P. 30–196. (In Russ.)
7. Rozhkova, A. V. One-part and two-part typology of interrogative sentences and their role in Ivan Dmitriev's poetry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;1(178):85–89. (In Russ.)
8. Travnikov, S. N., Oleshivskaya, L. A. To the poetics of Lomonosov's Hotin's Ode. *Journal of Literary Studies*. 2011;29:213–235. (In Russ.)
9. Tynyanov, Yu. N. Ode as an oratorical genre. *Tynyanov, Yu. N. Poetics. History of literature. Cinema.* Moscow, 1977. P. 227–252. (In Russ.)
10. Shapir, M. I. The rhythm and syntax of Lomonosov's ode (on the historical grammar of Russian verse). *Shapir, M. I. Universum versus: Language – verse – meaning in Russian poetry of the eighteenth, nineteenth and twentieth centuries.* Moscow, 2000. Book 1. P. 161–187. (In Russ.)
11. Shtulaitrova, A. Exclamation mark – stylistic and psychological signal in literary style. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2017;2:218–224.

Received: 28 January, 2022; accepted: 25 February, 2022